

Н.Н. Крадин

**ПУТИ СТАНОВЛЕНИЯ И ЭВОЛЮЦИИ
РАННЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ
НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ***

В настоящее время теоретическое осмысление процессов происхождения государственности подошло к определенному рубежу. Длительные дебаты нескольких последних десятилетий привели исследователей к тому, что становление государства правильно понимать как сложное многофакторное явление, обусловленное как внутренними (экология, система хозяйства, рост народонаселения, технологические инновации, война, идеология и др.), так и внешними (война, внешнее давление, торговля, диффузия и др.) факторами [Carneiro 1970; Renfrew 1972; Service 1975; Хазанов 1979; Claessen, Skalnik 1981; Haas 1982; Павленко 1989; Коротаев 1991; Claessen 2000; Турчин 2007; Карнейро 2012 и др.]. Ни один из выделенных исследователями в ходе дискуссии факторов не является универсальным. В настоящее время большинство историков, антропологов и археологов признают, что возникновение государственности является сложным многовариантным процессом, зависимым от большого числа разнообразных переменных [Peregrine, Ember, Ember 2007].

При этом сущность становления государственности отражается в двух дополняющих друг друга подходах. Согласно *интегративной (функциональной)* версии государство возникает вследствие организационных нужд, с которыми трибалистская и вождеская организации власти не могут справиться. При этом раннегосударственная власть имеет не насильственный, а консенсуальный характер. По мнению сторонников *конфликтной* версии, государственность — это средство стабилизации стратифицированного общества от предотвращения конфликтов в борьбе между различными группами за ключевые ресурсы жизнеобеспечения. Эта версия объясняет происхождение государства, исходя из отношений эксплуатации, классовой борьбы, войны и межэтнического доминирования. Справедливые аргументы есть

* Работа выполнена в рамках проекта ДВО РАН № 12-III-A-11-216.

в обоих подходах. Государство формируется одновременно и как носитель общепользовательных функций, и как выразитель социального конфликта. Более того, данная амбивалентность справедлива и для современного государства, и кто знает, может быть, с развитием государства в определенных случаях эти противоречия станут углубляться [Fried 1967; Service 1975; Claessen, Skalnik 1978; 1981; Naas 1982; Крадин 2001; Price, Fienman 2010].

Судя по всему, генеральная линия становления государства осуществлялась через монополизацию правящими группами ключевых административных должностей. Поскольку государственность (в форме особого аппарата управления), классовая структура и частная собственность формируются в процессе длительной эволюции, многие исследователи пришли к целесообразности выделять некоторые промежуточные фазы между доиерархическими безгосударственными обществами и сложившимися доиндустриальными государствами (цивилизациями). В отечественной и зарубежной науке существует мнение о необходимости выделения трех этапов политогенеза в доиндустриальных обществах:

1) предгосударственное общество, в котором большинство населения уже отстранено от управления обществом («дофеодалное общество», «предклассовое общество», «протогосударство-чифдом», «вождество», «аналоги государства» и др.);

2) раннее государство, с зачатками аппарата власти, но не знающее частной собственности («раннеклассовое общество», «раннефеодалное», «архаическое», «варварское» или «сословное» государство и пр.);

3) сложившееся доиндустриальное государство, знакомое с частной собственностью («традиционное государство», «зрелое государство», «аграрное государство», «сословно-классовое общество», «доиндустриальное государство» и т.д.) [Service 1975; Claessen, Skalnik 1978; Васильев 1983; Johnson, Earle 1987; Павленко 1989; Илюшечкин 1990; Попов 1990; Крадин 2001; Гринин 2007 и др.].

С начала 1990-х годов и особенно в новом миллениуме однолинейные теории происхождения государства стали подвергаться критике [Yoffee 2005; Pauketat 2007]. Постепенно распространение получили билинейные и многолинейные теории. Стало популярным выделение двух полюсов

(стратегий) эволюции, которые могут быть зафиксированы в разных обществах. Первая (*иерархическая* или *сетевая*) основана на вертикали власти и централизации. Для нее характерны концентрация богатства у элиты, контроль элиты над престижной торговлей и ремеслом, наличие культов вождей, их предков, отражение статусов и иерархии в погребальной обрядности, идеологической системе и архитектуре. Для второй (*гетерархической* или *корпоративной*) модели характерны большее распределение богатства и власти, сегментарная социальная организация, универсализирующая космология. Архитектура подчеркивает стандартизированный образ жизни. Гетерархическую стратегию не следует рассматривать как более эгалитарную в сравнении с иерархией и предшествующую ей. Гетерархия не является менее сложной, чем иерархия. Примером этого могут служить греческие полисы и более поздние торговые города-государства, которые обладали высокоразвитой внутренней организацией и культурой [Березкин 1995; Коротаев 1995; Crumley 1995; Blanton et al. 1996; Бондаренко, Коротаев 1999; Берент 2000; Feinman 2001; Бондаренко 2006; Chapman 2008 etc.].

Конкретная вариативность политических систем может быть многообразной, и все чаще исследователи отказываются от жестких типологических схем, которые получили распространение в XX в. По этой причине на первое место выходят кросс-культурные исследования становления государства и альтернативных ему, структурно не менее сложных форм политической организации [Trigger 2003; Smith 2012]. В настоящей статье рассматривается специфика политогенеза на территории российского Дальнего Востока, а также в смежных зонах Северо-Восточного Китая (Маньчжурии и отчасти Внутренней Монголии). Эти территории, как и Корея и Япония, не входили в число первоначальных очагов происхождения государственности. Все возникшие в этом ареале государственные образования относятся к так называемым «вторичным» ранним государствам, то есть образовавшимся по соседству и под определенным влиянием уже сложившихся цивилизационных центров (в данном случае Китая).

В середине I тыс. н.э. на территории Приморья, Приамурья и смежных зонах Маньчжурии проживали *мохэ*, которые

традиционно относятся к тунгусо-маньчжурским народам. Известно семь крупных мохэских объединений (судя по всему, вождеств). Самыми известными из них были *сумо мохэ*, жившие на крайнем юго-западе мохэских земель, и *хэйшуй мохэ* на северо-востоке, в долинах нижнего течения Сунгари, Уссури и Амура. По данным летописей, мохэ сеяли пшеницу и просо, землю пахали лошадьми. Они также занимались разведением свиней, выращиванием лошадей [Бичурин 1950: 70, 92]. У мохэ была развитая социальная стратификация. Источники сообщают, что богатые имели по несколько сот свиней, известны категории неполноправных социальных групп [Шавкунов 1968: 35, 37]. В летописях сообщается, что «каждый город и селение имеют своего старейшину, независимого от других» [Бичурин 1950: 69; Reckel 1998: 18]. По археологическим данным, мохэские поселения в Приморье разбиваются на несколько рангов [Крадин 2010].

Известно семь крупных «объединений» (кит. *булэй*) мохэ, которые отличались количеством выставляемых воинов. Каждое из них возглавлялось вождем, они занимали достаточно большую территорию. Помимо них, известны мохэские подразделения (кит. *бу* — традиционно этот термин переводится как «племя»). Их было гораздо больше. Власть вождя передавалась по наследству. Скорее всего, *бу* могли соответствовать вождествам, а *булэй* — сложным вождествам. Самое крупное и могущественное из них было объединение хэйшуй мохэ. В обеих версиях Танской истории сообщается, что они со временем разделились на 16 «поколений» [Reckel 1998: 22, 23]. Совершенно очевидно, что хэйшуй мохэ представляли собой уже сложное вождество или конфедерацию вождеств.

В начале VII в. сумо мохэ подверглись сильному давлению со стороны династии Тан. Это стимулировало процессы внутренней консолидации и привело к созданию у сумо мохэ в середине VII в. крупного объединения с централизованной властью, названного в тюркских эпитафиях «боклийским каганатом» [Крадин 2005]. В 698 г. вождь сумо мохэ Да Цзожун провозгласил создание государства (первоначально оно называлось Чжэнь, а с 713 г. Бохай). Территория Бохая включала восточную Маньчжурию, часть Северной Кореи и юго-западные территории Приморья. Бохайские правители стре-

мились расширить территорию страны за счет включения главным образом восточных и северных территорий в VIII–IX вв. Истинным расцветом Бохая было правление вана Да Циньмао (737–793), который за свой вклад в развитие образования и культуры в стране получил посмертное имя «Просвещенный». В годы его правления сложилась система пяти столиц, была сформирована система государственных институтов. В годы царствования Да Жэньсю (818–830) были частично покорены хэйшуй мохэ и территория государства достигла максимального размера.

Страна делилась на 15 областей (*фу*) и 62 округа (*чжоу*). Идея пяти столиц была заимствована, по всей видимости, из империи Тан. Однако необходимость пяти столичных городов также была вызвана реальными требованиями управления страной. Большинство ранних государств не имели хорошо интегрированной экономической и политической инфраструктуры. Поскольку административный контроль центральной власти был минимален, правитель раннего государства был вынужден постоянно объезжать свои владения, чтобы лично контролировать регионы и подтверждать легитимность своего царствования. Эта система сравнима с хорошо известным по восточным славянам институтом «полюдья» — широко распространенным в мировой истории явлением [Кобищанов 2009].

В целом, бохайское королевство являлось классическим «ранним государством», для которого характерно отсутствие частной собственности на средства производства и сложившегося бюрократического аппарата. Поскольку ранним государствам не хватало монополии на применение законного насилия, чтобы противостоять сепаратизму, персона сакрализованного правителя являлась фигурой консолидирующей, объединяющей общество. Царь являлся «посредником» между божествами и подданными, обеспечивал благодаря своим сакральным способностям стабильность и процветание общества, объединял посредством дарений социальные коммуникации в общую сеть. По мере увеличения сложности раннее бохайское государство должно было трансформироваться в «зрелое» традиционное государство, для которого характерно известное развитие частной собственности, формирование государственного аппарата. С появлением

эффективной системы власти отпадала необходимость в сакральных функциях «священного царя». Это отражается в изменениях социальной структуры Бохая [Крадин 1989]. Первоначально социальная структура выглядела следующим образом: ван (король) и его родственники, 6 знатных родов, вожди и старейшины, простые общинники. В период наивысшего расцвета социальная структура Бохая состояла из двух основных классов: 1) бюрократическо-управленческой элиты, разбитой на 8 рангов, в которую входили королевская семья, крупная аристократия и служилая знать, и 2) непосредственных производителей — крестьян, объединенных в общины (*буцуй*) и различные неполноправные категории (*нубэй*).

Аппарат управления Бохая копировал бюрократическую модель империи Тан и включал 3 управления (*шэн*), 6 министерств (*люсы*), а также другие ведомства. Министерства подразделялись на левые и правые. Чиновники носили одежду разного цвета с верительными знаками отличия [Reckel 1995: 63–65]. Для ведения делопроизводства бохайцы заимствовали китайскую письменность, были созданы школы для обучения детей знати грамоте. Среди элиты определенное распространение получил буддизм. Бохай имел дипломатические отношения с соседними странами — империей Тан, Силла, кочевыми империями. Каждый обмен посольствами сопровождался обменом товарами престижного потребления. Особенный интерес вызывают его контакты с Японией. Всего за время существования Бохая было отправлено 35 бохайских посольств в Страну восходящего солнца. Из Японии за это время прибыло 13 дипломатических миссий [Шавкунов 1994].

Раньше считалось, что вся территория современного Приморья и значительная часть Хабаровского края входили в состав бохайского государства. В настоящее время можно более или менее уверенно утверждать, что в состав Бохая входила только южная и частично западная часть Приморского края [Гельман 2005]. Здесь располагались две административные единицы бохайского государства. Южная часть Приморья входила в состав округа Яньчжоу области Лунъюаньфу. Центром ее было Краскинское городище. Долина р. Раздольной (Суйфун) входила в состав области Шуайбинь. Многие ученые считают, что центром этой области было горо-

дище Дачэнцзы на территории КНР, неподалеку от пересечения р. Суйфун российско-китайской границы. Территория к северу от оз. Ханка, долина р. Партизанская (Сучан) и восточная часть Приморья не входили в состав государства Бохай.

В государстве была развита и внутренняя торговля. В заключительной части гл. 219 «Новой истории династии Тан» («Синь тан шу») повествуется о том, что в Бохае существовала хозяйственная специализация между регионами: «Ценятся зайцы гор Тайбайшань, морская капуста из области Наньхай, соевый соус из Чжачэна, олени из области Фууй, свиньи из области Моцзе, лошади из области Шуайбинь, ткани из Сяньчжоу, шелковая вата из Вочжоу, шелковые ткани из Лунчжоу, железо из города Вэйчэн, рис из Лучэна, караси из озера Мэйто» [Reckel 1995: 65–66]. Связи Приморья с центральными районами Бохая и Китаем подтверждаются также находками китайских зеркал и украшений, фарфоровой и глазурованной посуды. По археологическим данным прослеживается обмен продуктами питания между континентальными и прибрежными районами Приморья [Гельман 2006].

На территории Приморья известно несколько десятков археологических памятников государства Бохай — городища, поселения, храмы и могильники. Наиболее изученным из них является Краскинское городище. Памятник расположен на самом юге Приморского края, на правом берегу устья р. Цукановка (Яньчихэ), примерно в 400 м от берега Посыетского залива. Форма городища напоминает подкову, ориентированную выпуклой стороной в направлении севера. Имеется трое ворот. От южных ворот в направлении к северу проложена улица, которая делит город на две части. Магнитометрические исследования показывают наличие следов кварталов, улочек между ними, отдельных усадеб [Бессонова 2008]. Городище являлось городом Янь — центром одноименного округа и портом, откуда начиналась дорога в Японию. На протяжении уже многих лет здесь ведутся интенсивные изыскания [Ивлиев, Болдин 2006; Ивлиев 2010; Гельман и др. 2011а, 2011б], которые выявили различные строительные конструкции: каменные стены, ограждавшие буддийский храмовый комплекс, прямоугольную платформу храма, состоящую из 30 каменных баз, печи для обжига черепицы, каменный фундамент башни, выложенный из камня

колодец и т.д. Город являлся крупным центром сосредоточения ремесла — гончарства, металлургии, производства черепицы, строительного дела и др. На городище найдено много предметов престижного потребления и свидетельств развитой внешней и внутренней торговли (фарфор, глазурованная керамика, украшения). На городище также раскопаны жилища с канами — лежанками, отапливаемыми горячим воздухом. Культурный слой на памятнике превышает 2 м. Здесь выделены пять строительных горизонтов, связанных с различными этапами жизнедеятельности. Город существовал в течение нескольких столетий — с VIII до первой половины X в. Верхняя хронологическая граница может быть датирована киданьским сосудом, попавшим в колодец.

Скорее всего, этот сосуд оказался на дне колодца в период завоевания Бохая киданями (919–926) или сразу после этого. На бохайских землях было создано марионеточное государство Дундань (Восточная Кидань). Во главе государства был поставлен старший сын Абаоцзий Тууй — у монголоязычных кочевников был распространен обычай, по которому старшие сыновья получали свою долю и отделялись от родителей, а домашнее хозяйство наследовал младший из сыновей. Бохайцы были обложены данью, но практически сразу же восстали. Восстание было подавлено, но через некоторое время начались новые волнения. Чтобы ликвидировать очаг недовольства, кидани использовали традиционную для доиндустриальных государств стратегию — в течение 930–940-х гг. они насильственно переселили почти полмиллиона бохайцев, в том числе из Шуайбиня, на свои земли в долины рек Шара-Мурэн и Ляохэ. Часть бохайцев была позднее депортирована в центральную Монголию для строительства города Чжэнчжоу (совр. городище Чинтолгой-балгас) [Крадин и др. 2011]. Учитывая, что только ограниченная часть Приморья входила в состав Бохая (крайний юг, Суйфунская долина и Приханкайская низменность), думается, киданьская депортация не затронула других территорий края. Можно допустить, что часть территории Приморья впоследствии могла входить в состав одного из полузависимых от киданей вассальных владений (Диньянь, Северо-Западный Бохай), выплачивавшего определенную дань киданьскому императору. Очищенное пространство с течением времени всегда

заполняется чем-то иным, и постепенно опустевшие территории были заселены чжурчжэньским населением.

Киданьская империя Ляо (907–1125), как и впоследствии государство чжурчжэней, имела более сложную структуру, чем раннее государство Бохай. В случае с киданями и чжурчжэнями это были империи, которые создавались в процессе завоевания номадами (кидани) или охотничье-земледельческими народами (чжурчжэни) более высокоразвитых соседей земледельцев (китайцев). Поскольку вновь созданные общества имели сложносоставной характер (в литературе данное явление нередко называют «суперстратификацией») и занимали большую территорию, то их можно называть «варварскими империями». Основной формой эксплуатации в «варварских» империях были данничество и налогообложение подчиненного земледельческого и городского населения. Так происходило наложение предклассовых или максимум раннеклассовых институтов воинственных северян на типичное восточно-деспотическое общество завоеванных оседлых жителей.

В империи Ляо скотоводы-кочевники кидани («ядро-метрополия») составляли всего лишь пятую часть населения (750 тыс. чел.). Кроме них, в состав империи входили земледельцы-китайцы — более половины населения (2400 тыс. чел.), бохайцы (450 тыс. чел.), некиданьские (так называемые «варварские») скотоводческие и охотничьи (200 тыс. чел.) народы. Общая численность населения державы составляла 3 млн 800 тыс. чел. [Wittfogel, Feng 1949: 58].

Социальная структура империи Ляо имела сложносоставной характер. Высший уровень социальной пирамиды империи занимали император и его родственники (род Елюй), а также представители рода Сяо, из которого происходили императрицы. Следующую ступень иерархии занимали представители знатных киданьских родов, племенные вожди, предводители разных рангов. Кидани были разделены на племена, которые являлись основными административно-политическими единицами северной части страны. Каждое племя имело свою определенную территорию кочевания. У каждого племени была своя организация управления, возглавлявшаяся традиционным вождем (*илицзинем*). Положение простых номадов (кит. *шужэнь*), по всей видимости, оставалось примерно таким же, как и до создания империи.

На протяжении многих лет киданьская держава была основана главным образом на внешней эксплуатации соседних государств. Данничество и вымогаемые от китайских государств «подарки» приносили Ляо огромную прибыль. Так, после подписания мирного договора в 1005 г. Сунская династия согласилась выплачивать ежегодно Ляо 100 тыс. монет серебра и 200 тыс. кусков шелка. После новой военной кампании 1042 г. выплаты были увеличены до 200 тыс. монет и 300 тыс. кусков шелка [Е Лунли 1979: 63, 69, 148]. Длительное время эти доходы оставляли основу бюджета престижной экономики империи.

По мере включения в состав империи значительных земельных территорий появилась потребность создания более сложного управленческого механизма. Традиционные догосударственные институты управления конфедерации «восемью племен» киданей не были приспособлены для управления сложной экономикой земледельческой цивилизации с многочисленными городами. Это привело к созданию уже в 947 г. дуальной системы администрации, разделенной на северную и южную части. Северная администрация считалась по рангу выше южной, хотя как по численности аппарата, так и по квалификации бюрократии уступала последней. Она возглавлялась «северным канцлером», который, как правило, назначался из представителей родов Елюй и Сяо. В его компетенцию входил контроль за киданями — титульным этносом многонационального государства. Южная администрация структурно копировала бюрократическую систему империи Тан и состояла из чиновников-китайцев. Однако все высшие должности были в руках завоевателей-киданей. Территория южной части страны была разделена на округа (*dao*), префектуры (*fu*), области (*чжюу*), уезды (*сянь*). На каждом уровне иерархии существовал свой управленческий аппарат. Кроме центральных, региональных и местных органов власти, имелись административные органы пяти столиц империи [Wittfogel, Feng 1949: 434–450].

Статус, доходы, а также частные состояния китайцев-чиновников были намного выше положения простых китайцев. Существование китайских ремесленников и крестьян-общинников было, по всей видимости, несколько более стесненным из-за этнического угнетения. Внизу социальной

лестницы находились различные категории зависимого населения и рабы. Эти категории могли зависеть как от отдельных лиц (*буцуй*), так и от государства. В последнем случае они были приписаны к императорским дворцам, ставкам (*ордо*) киданей. В рабы попадали военнопленные, должники, лица, совершившие тяжкие (чаще всего антигосударственные) преступления [Кычанов 1990; 2010; Крадин 2002; Пиков 2002; Даньшин 2006 и др.].

Этноним *чжурчжэни* появляется в X в. Так стали называть происходившие от хэйшуй мохэ племена, расселившиеся по территории Северной Маньчжурии, Приморья и Приамурья на опустевших после киданьского завоевания бохайских землях. Кидани подразделяли чжурчжэней на «мирных», которые расселялись на подконтрольных империи Ляо землях, и на «диких», которые проживали к востоку и северо-востоку от Сунгари. Чжурчжэни зависели от киданей и платили им дань пушниной, драгоценностями, лекарственными растениями, лошадьми и т.д. Особенно ценились охотничьи соколы (*хайдунцины*), за которыми по требованию киданей чжурчжэни регулярно совершали походы в земли Уго (кит. «пять владений»). Последние предположительно обитали в низовьях Сунгари, Уссури и прилегающей к ним долине Амура (о ранних этапах истории чжурчжэней см.: [Кычанов 1966; Воробьев 1975; Franke 1975; 1978; Ларичев 1998]).

Во второй половине XI в. началась консолидация чжурчжэней под предводительством рода Ваньянь. Постепенно все более или менее крупные объединения чжурчжэней оказались под их влиянием. В 1112 г. вождь чжурчжэней Агуда отказался танцевать на официальном приеме у киданьского императора. Это стало причиной конфликта и начала войны. В 1115 г. Агуда провозгласил создание Золотой империи чжурчжэней (по-китайски — Цзинь) и принял титул императора¹. За десять лет чжурчжэни полностью разбили киданей и захватили всю их территорию. По иронии судьбы остатки киданей оказались в самом западном городе Чжэньчжоу (городище Чинтолгой-балгас), куда они прежде ссылали бохайцев [Крадин и др. 2011: 166–167]. В 1130 г. они покинули его, направившись в Среднюю Азию, где создали империю каракиданей (Си Ляо, кит. Западное Ляо).

Агуда принял инвеституру в соответствии с китайской традицией. Чтобы легитимизировать свое правление, он послал по наущению своего советника бохайца Ян Пу письмо киданьскому императору. В этом послании императору предлагалось узаконить статус Агуды в качестве императора, установить дипломатические отношения, выплачивать дань чжурчжэням и уступить две пограничные провинции [Franke 1975: 158–165; 1987: 94]. Миссия в конечном счете провалилась из-за резкого тона ответного письма. Однако вызывает интерес стремление легитимизировать свое положение посредством механизмов, используемых в китайской политической традиции.

После завоевания территории Ляо чжурчжэни взялись за подчинение Китая. Постепенно им удалось завоевать практически весь Северный Китай, а империя Южная Сун была вынуждена платить им ежегодно огромные выплаты. Только в 1127 г. чжурчжэни получили от Сун 1 млн лянов золота, 10 млн слитков серебра, 10 млн кусков шелка и 10 млн кусков тканей. Впрочем, экономический «центр» дальневосточной мир-системы находился на юге, и полученное серебро скоро возвращалось назад. Чжурчжэням приходилось рассчитываться им за покупаемые в Сун товары [Theile 1971: 113–115; Гончаров 1986: 25)].

Чжурчжэни многое унаследовали от своих предшественников. Включив в свой состав бохайское население, захватив территории Ляо и Северной Сун, они получили огромные материальные и человеческие ресурсы. Это дало им возможность быстро создать сильное государство с развитой экономикой. Уже через четыре года после провозглашения государственности чжурчжэни создали собственную письменность (в 1119 г. так называемое большое письмо и в 1138 г. — малое). В государстве получили развитие различные науки и медицина, литература и поэзия, изобразительное и декоративно-прикладное искусство, скульптура и архитектура [Воробьев 1975; 1982; Шавкунов 1990 и др.].

Государство чжурчжэней Цзинь (1115–1234), так же как и киданьская империя Ляо, состояло из двух основных культурных пластов: завоевателей-чжурчжэней и эксплуатируемых китайцев — крестьян и горожан. В период расцвета чжурчжэньская империя занимала всю Маньчжурию, юж-

ную часть Дальнего Востока России, часть Северной Кореи и большую часть территории Северного Китая. Численность населения Цзинь в начале XIII в. составляла более 53 млн чел., из которых чжурчжэней было около 10 %, тогда как китайцев — не менее 83 % [Franke 1978: 12, 14]. Подобно бохайцам и киданям, у чжурчжэней было пять столиц. Страна делилась на 19 губерний, которые возглавлялись генерал-губернаторами. Губернии, в свою очередь, состояли из областей, округов и уездов.

Для управления завоеванными территориями чжурчжэни воспользовались созданной киданями дуальной системой управления. Со временем при дворе развернулась борьба между сторонниками «военной» и «административной» партии. Тайцзун (1123–1135) опасался сепаратистских настроений «милитаристов» и склонился ко второму варианту [Тао Jing-shen 1976]. В 1133–1134 гг. дуальная система управления была преобразована в единый общегосударственный бюрократический аппарат, основу которого составляли шесть министерств: общественных работ, юстиции, финансов, церемоний, чинов и военных дел. Все высшие должности в правительстве были заняты чжурчжэнями. Однако большинство чиновников всех министерств и ведомств были китайцами [Воробьев 1975: 150–178].

Опасаясь растворения, чжурчжэни старались ограничивать процент госслужащих из числа китайцев в высших органах власти. Удельный вес китайцев постоянно увеличивался, но никогда не достигал половины [Там же: 171–173]. Заимствованная из Китая система экзаменов была преобразована таким образом, чтобы фильтрация китайцев была жестче. Чжурчжэням было гораздо проще получить степень «цзиньши», чем китайцам. Кроме этого, чжурчжэни могли получить должность по наследству или протекции. Из числа китайцев более льготные условия создавались для бывших подданных Ляо — «северян» (*ханьэр*), чем для «южан» (*наньжэнь*) сунцев [Тао Jing-shen 1976: 55–57]. При этом почти весь XII в. в разных частях государства продолжали сосуществовать разные письменности (китайская, киданьская и чжурчжэньская). Только в 1191–1192 гг. была сделана попытка упразднить киданьское письмо [Wittfogel, Feng 1949: 252–253].

В результате сложных аккультурационных процессов сложилась многонациональная социальная структура чжурчжэньской империи. Во главе находился император и его многочисленные родственники. Они были крупнейшими владельцами собственности и занимали большинство главных постов государственного аппарата. Далее располагалась чжурчжэньская аристократия. Ее представители обладали значительным богатством, служили главной опорой государства. Еще ниже находились племенные вожди и, наконец, простые чжурчжэни, которые были опорой армии, занимались земледелием, скотоводством, охотой и ремеслом. Из представителей нечжурчжэньских народов в империи высокое общественное положение занимали китайские чиновники и крупные землевладельцы, хотя их влияние было ограничено верховной властью. Положение свободных китайских ремесленников, торговцев и крестьян было намного хуже. На их плечи легли основные тяготы государственных налогов и повинностей. Но еще тяжелее было положение казенных и частных рабов, вынужденных трудиться на своих хозяев. Для дополнительного поддержания порядка на завоеванных землях была создана система военных поселений — *мэньань* и *моукэ* [Воробьев 1975: 130–142].

На крайнем северо-востоке Цзиньской империи находились губернии Хэлань (пограничная с Кореей и крайним югом Приморья), Хулигай (на северо-востоке Маньчжурии) и Сюйпинь (в южной и центральной частях Приморья и на востоке Маньчжурии). Ее центром было разрушенное в настоящий момент Южно-Уссурийское городище. Кроме того, на территории Приморья была расположена губерния Елань (долина р. Партизанская [Сучан] и прилегающая прибрежная область) с центром в Николаевском городище. Центром еще одного административного подразделения в верховьях Уссури являлось, по всей видимости, Чугуевское городище. Возможно, локальным центром прибрежных районов юго-восточного Приморья было Новонежинское городище.

На левом берегу р. Раздольная (Суйфун) в черте современного города Уссурийска еще в XIX в. были найдены погребальные комплексы, воздвигнутые в честь представителей чжурчжэньской элиты. Сохранилось навершие стелы на спине черепахи с фрагментами надписи. В.Е. Ларичеву уда-

лось установить, что здесь был погребен чжурчжэньский князь Эсыкуй (Дигунай, Ваньянь Чжун). Его биография раскрывает некоторые неизвестные страницы истории Приморья. Ваньянь Чжун был одним из сподвижников первого чжурчжэньского императора Агуды, участвовал в первых походах против Ляо, а после смерти своего брата, предводителя еланьских чжурчжэней, взял в свои руки бразды правления над Юго-Восточным Приморьем. В 1124 г. Ваньянь Чжун перенес ставку из Елани в Сюйпинь. Это было обусловлено тем, что земли Елани были не очень плодородны и «солонцеваты». Скорее всего, после переселения на новом месте был построен город, который и стал административным центром чжурчжэньской губернии Сюйпинь. Здесь он и прожил до своей смерти в 1137 г. Позднее в 1171 г. чжурчжэньский император повелел номинально объединить Еланьский и Сюйпиньский мэяни, оставив общее название Елань [Ларичев 1974; Артемьева, Ивлиев 2000].

В начале XIII в. над чжурчжэньским государством нависла внешняя угроза. В 1206 г. в монгольских степях была создана держава Чингисхана. Через четыре года монголы начали войну против Цзинь. Война имела затяжной характер и продолжалась почти четверть века (до 1233–1234 гг.). Монголы разорили множество городов и вырезали их население, увели в плен многих искусных мастеров. В 1215 г. командующий цзиньскими войсками в Ляодуне Пусянь Ваньну провозгласил создание государства Великое Чжэнь. После нескольких военных поражений от лояльных империи чжурчжэней и восставших киданей он решил переселить свою армию и народ в отдаленные восточные губернии чжурчжэньской империи. Здесь было провозглашено государство Восточное Ся (кит. *Дун Ся*). Новое государственное образование занимало территорию трех губерний Золотой империи: Хэлань, Сюйпинь и Хулигай (восточная Маньчжурия, крайний север Корейского п-ва, большая часть Приморского края) [Ивлиев 1993; 1996]. В этот период на территорию нового государства было переселено большое количество населения, построены города с мощными укреплениями. За основу государственно-административного устройства Восточного Ся была взята цзиньская модель. Однако необходимо иметь в виду, что новое государственное

образование обладало рядом специфических характеристик: 1) меньшие, отнюдь неимперские размеры; 2) разрыв экономической инфраструктуры и определенный шаг назад к натурализации экономики; 3) «стрессовый» характер власти (из-за опасения перед монгольским нашествием), который должен был выразиться в а) усилении личной власти правителя (Пусянь Ваньну) и его местных администраторов; б) сведении и без того не очень большого на Востоке частного сектора до минимума; в) необходимости милитаризации экономики (фортификационное строительство, черная и цветная металлургия и пр.) и общества (военно-иерархическая система военных поселений *мэнъянь* — *моукэ*). В целом социально-экономическое устройство государства Восточного Ся требует специального рассмотрения.

К этому времени около двухградия на правом берегу Суйфуна, в трех километрах к югу от современного Уссурийска, была построена неприступная крепость — город Кайюань, столица государства Восточной Ся. Городище расположено на высокой Красноярской сопке, окружено мощными оборонительными сооружениями, имеет систему дополнительных внутренних укреплений. Здесь исследованы остатки многочисленных дворцовых и храмовых зданий, многолюдные кварталы жилищ простых людей, во время раскопок найден богатый бытовой и хозяйственный инвентарь, украшения, предметы вооружения и пр. [Артемьева, Ивлиев 2000; Артемьева 2011]. Горные приморские городища времени чжурчжэньских государств Цзинь и Восточное Ся по своим конструктивным особенностям значительно отличаются от равнинных городищ. Как правило, для места возведения городища избирался большой распадок, в котором имелся водный источник. По гребню возводился вал, так что распадок оказывался защищенным от нападения. Самым известным горным городищем такого типа является знаменитая Шайгинская крепость в Партизанском районе Приморского края. Она была открыта выдающимся дальневосточным археологом Э.В. Шавкуновым и длительное время исследовалась под его руководством [1990]. На территории городища раскопано много мастерских, в которых опытные мастера занимались плавкой и кузнечно-слесарной обработкой черных и цветных металлов. Крепость была разбита на кварта-

лы. В одной ее части жили металлурги, в других местах — ремесленники-оружейники, ювелиры, кожевники. Внутренним валом был отгорожен «запретный город» для наместника и его администрации. На высокий статус Шайгинского городища в политической иерархии Восточного Ся указывают находки на городище серебряной пайцзы — верительного знака должностного лица, печати *чжичжуня* — крупного чжурчжэньского чиновника [Ивлиев 2006].

Примером небольшого военного поселения является Ананьевское городище, которое расположено примерно в 10 км от р. Суйфун в Надеждинском районе Приморья. Площадь городища — более 10,5 га. Здесь раскопано более ста жилищ с канами, различных хозяйственных и других объектов. Размеры памятника, отсутствие административных и дворцовых зданий, а также важное стратегическое положение позволяют предположить, что здесь могло быть размещено чжурчжэньское военное поселение — моукэ [Хореев 2012].

Стратегическим планам Пусяня Ваньну не суждено было реализоваться. Государство просуществовало всего 18 лет. В 1233 г. монгольские войска вторглись на территорию Приморья и дошли до Сюйпиня и Кайюаня. «Все восточные земли были усмирены» — сообщает «История династии Юань» (цит. по: [Мелихов 1977: 76]). Сам Пусянь Ваньну был пленен. Через два года по указанию хагана Угэдэя на этой территории было учреждено темничество Кайюань. С этого времени самостоятельная история чжурчжэньского государства Цзинь прекращается.

Для всех рассмотренных дальневосточных государств характерно не только заимствование тех или иных компонентов средневековой китайской политической культуры, но и влияние «более развитых» дальневосточных обществ на «менее развитые». Влияние имело стимулирующий характер, ускоряло процессы экономического и культурного подъема, политической и этнической консолидации предгосударственных обществ. Так, можно выявить древнекорейское влияние на процессы политогенеза в Японии. В становлении бохайской государственности определенную роль сыграло когурёское наследие. Многие принципы организации политической системы киданей были традиционны для кочевых народов.

Большое влияние на них оказала «тюркская» модель, и неслучайно еще в конце VII в. ряд вождей пытался создать киданьский каганат по примеру тюркской степной империи. В свою очередь, сами кидани оказали существенное влияние на процессы политогенеза у чжурчжэней, а чжурчжэни — на процессы политогенеза у монголов. Это выражалось в международном признании, заимствовании предгосударственными обществами титулатуры, концепции верховной власти, элементов административного устройства, моделей политического поведения и пр.

¹ Существует мнение, что хронология чжурчжэньского политогенеза отражена в цзиньской и ляоской летописях неточно и более надежными являются сунские источники. Также дискуссионен вопрос о первоначальном названии государства [Garsia 2012: 171, note 260].

Артемьева Н.Г. 2011. Итоги исследований Красноярского городища Приморской археологической экспедицией // Актуальные проблемы археологии Сибири и Дальнего Востока. Уссурийск. С. 270–276.

Артемьева Н.Г., Ивлиев А.Л. 2000. Печать Еланьского мэнъяня // Вестник ДВО РАН. № 2. С. 109–114.

Березкин Ю.Е. 1995. Вождества и акефальные сложные общества: данные археологии и этнографические параллели // РФПО. С. 165–187.

Берент М. 2000. Безгосударственный полис. Раннее государство и древнегреческое общество // АПЦ. М. С. 235–258.

Бессонова Е.А. 2008. Применение магниторазведки для решения археологических задач в береговой зоне залива Петра Великого (Японское море): автореф. канд. дис. Владивосток.

Бичурин Н.Я. 1950. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М. Т. 2.

Бондаренко Д.М. 2006. Гомоархия как принцип построения социально-политической организации // РГАА. С. 164–183.

Бондаренко Д.М., Коротяев А.В. 1999. Политогенез, «гомологические ряды» и нелинейные модели социальной эволюции // ОНС. № 5. С. 128–138.

Васильев Л.С. 1983. Проблемы генезиса китайского государства. М.

Воробьев М.В. 1975. Чжурчжэни и государство Цзинь (X в. — 1234 г.). М.

Воробьев М.В. 1982. Культура чжурчжэней и государства Цзинь (X в. — 1234 г.). М.

Гельман Е.И. 2005. Взаимодействие центра и периферии в Бохае // Российский Дальний Восток в древности и Средневековье. Владивосток. С. 476–516.

Гельман Е.И. 2006. Центр и периферия в Северо-Восточной части государства Бохай // Россия и АТР. № 3. С. 39–47.

Гельман Е.И., Асташенкова Е.В., Ивлиев А.Л., Болдин В.И. и др. 2011а. Археологические исследования российско-корейской экспедиции на Краскинском городище в 2009 г. Сеул. Т. 1–2.

Гельман Е.И., Асташенкова Е.В., Пискарева Я.Е., Болдин В.И. и др. 2011б. Археологические исследования российско-корейской экспедиции на Краскинском городище в 2010 г. Сеул.

Гончаров С.Н. 1986. Китайская средневековая дипломатия: отношения между империями Цзинь и Сун 1127–1142. М.

Гринин Л.Е. 2007. Государство и исторический процесс. М. Кн. 1–3.

Даньшин А.В. 2006. Государство и право киданьской империи Великое Ляо. Кемерово.

Е Лунли. 1979. История государства киданей (Цидань го чжи) / перев., введ. и комм. В.С. Таскина. М.

Ивлиев А.Л. 1993. Изучение истории государства Восточное Ся в КНР // Новые материалы по археологии Дальнего Востока России и смежных территорий: докл. V сессии Научного проблемного совета археологов Дальнего Востока. Владивосток. С. 8–17.

Ивлиев А.Л. 1996. Письменные источники об истории Приморья середины I — начала II тыс. н.э. // Приморье в древности и Средневековье. Усурийск. С. 30–34.

Ивлиев А.Л. 2000. Шайгинская пайцза в свете данных японской летописи // История и археология Дальнего Востока. К 70-летию Э.В. Шавкунова. Владивосток. С. 181–184.

Ивлиев А.Л. 2006. О печати чжичжуна и статусе Шайгинского городища // Вестник ДВО РАН. № 2. С. 109–113.

Ивлиев А.Л. (ред.) 2010. Бохай: история и археология (в ознаменование 30-летия с начала раскопок на Краскинском городище). Владивосток.

Ивлиев А.Л., Болдин В.И. 2006. Исследования Краскинского городища и археологическое изучение Бохая в Приморье // Россия и АТР. № 3. С. 5–18.

Илюшечкин В.П. 1990. Эксплуатация и собственность в сословно-классовых обществах. М.

Карнейро Р. 2012. Теория ограничения: разъяснение, расширение и новая формулировка // ПАТСО. С. 162–189.

Кобищанов Ю.М. (ред.) 2009. Полюдь: Всемирно-историческое явление. М.

Кортаев А.В. 1991. Некоторые экономические предпосылки классовообразования и политогенеза // АО. С. 136–191.

- Кортаев А.В.* 1995. Горы и демократия // АПРГ. С. 77–93.
- Крадин Н.Н.* 1989. Социальный строй народов Дальнего Востока СССР I тыс. н.э. / Препринт. Владивосток.
- Крадин Н.Н.* 2001. Политическая антропология. М.
- Крадин Н.Н.* 2002. Структура «варварской империи»: киданьская династия Ляо (907–1125) // Традиционная культура Востока Азии. Благовещенск. Вып. 4. С. 212–227.
- Крадин Н.Н.* 2005. Тюркские руны и проблема образования бохайского государства // Международная конференция Фонда Когурёских исследований: Когурёская история и культура. Сеул. С. 218–222.
- Крадин Н.Н.* 2010. Вождества в первобытной археологии Приморья // Приоткрывая завесу тысячелетий: К 80-летию Ж.В. Андреевой. Владивосток. С. 210–223.
- Крадин Н.Н.* и др. 2011. Киданьский город Чинтолгой-балгас. М.
- Кычанов Е.И.* 1966. Чжурчжэни в XI в. // Материалы по истории Сибири. Древняя Сибирь. Новосибирск. Вып. 2: Сибирский археологический сборник. С. 269–281.
- Кычанов Е.И.* 1990. О ранней государственности у киданей // Центральная Азия и соседние территории в Средние века. Новосибирск. С. 10–24.
- Кычанов Е.И.* 2010. История приграничных с Китаем древних и средневековых государств (от гуннов до маньчжуров). СПб.
- Ларичев В.Е.* 1974. Навершие памятника князю Золотой империи // Материалы по истории Сибири. Древняя Сибирь. Новосибирск. Вып. 4: Бронзовый и железный век Сибири. С. 205–225.
- Ларичев В.Е.* 1998. Краткий очерк истории чжурчжэней до образования Золотой империи // История Золотой империи / пер. Г.М. Розова, коммент. А.Г. Малявкина. Новосибирск. С. 34–87.
- Мелихов Г.В.* 1977. Установление власти монгольских феодалов в Северо-Восточном Китае // Татаро-монголы в Азии и Европе. М. С. 62–84.
- Павленко Ю.Е.* 1989. Раннеклассовые общества. Киев.
- Пиков Г.Г.* 2002. Киданьское государство Ляо как кочевая империя // КАСЭ. С. 190–203.
- Попов В.А.* 1990. Этносоциальная история аканов в XVI–XIX вв. Проблемы генезиса и стадийно-формационного развития этнополитических организмов. М.
- Турчин П.В.* 2007. Историческая динамика. На пути к теоретической истории. М.
- Хазанов А.М.* 1979. Классообразование: факторы и механизмы // Исследования по общей этнографии. М. С. 125–177.
- Хореев В.А.* 2012. Ананьевское городище. Владивосток.
- Шавкунов Э.В.* 1968. Государство Бохай и памятники его культуры в Приморье. Л.

- Шавкунов Э.В.* 1990. Культура чжурчжэней-удигэ XII–XIII вв. и проблема происхождения тунгусских народов Дальнего Востока. М.
- Шавкунов Э.В.* (ред.) 1994. Государство Бохай и племена Дальнего Востока России. М.
- Blanton R.E., Fienman G.M., Kowalewski S.A., Peregrine P.N.* 1996. A Dual-Process Theory for the Evolution of Mesoamerican Civilization // *CA*. Vol. 37. № 1. P. 1–14, 73–86.
- Carneiro R.L.* 1970. A Theory of the Origin of the State // *Science*. Vol. 169. № 3947. P. 733–738.
- Chapman P.* 2008. Alternative States // *Evaluating Multiple Narratives: Beyond Nationalist, Colonialist, Imperialist Archaeologies*. N.Y. P. 144–165.
- Claessen H.J.M.* 2000. Structural Change: Evolution and Evolutionism in Cultural Anthropology. Leiden.
- Claessen H.J.M., Skalnik P.* (eds.) 1978. The Early State. The Hague.
- Claessen H.J.M., Skalnik P.* (eds.) 1981. The Study of the State. The Hague.
- Crumley C.* 1995. Heterarchy and the Analysis of Complex Societies // *HACS*. P. 1–5.
- Crumley C.* 2001. Communication, Holism, and the Evolution of Sociopolitical Complexity // *FLR*. P. 19–36.
- Feinman G.* 2001. Mesoamerican Political Complexity: The Corporate-Network Dimension // *FLR*. P. 151–175.
- Franke H.* 1975. Chinese Texts on the Jurchen (I): A Translation of the Jurchen Monograph in the San-ch'ao pei-meng hi-pien // *Zentralasiatische Studien*. Vol. 9. P. 119–186.
- Franke H.* 1978. Nordchina am Vorabend der mongolischen Eroberungen: Wirtschaft und Gesellschaft unter der Chin-Dynastie (1115–1234). Orladen.
- Franke H.* 1987. The Role of the State as a Structural Element in Polyethnic Societies // *Foundation and Limits of State Power in China*. L.
- Fried M.* 1967. The Evolution of Political Society. N.Y.
- Garcia C.D.* 2012. Horsemen from the Edge of Empire: The Rise of the Jurchen Coalition: Unpublished PhD Thesis. Seattle.
- Haas J.* 1982. The Evolution of the Prehistoric State. N.Y.
- Johnson A.W., Earle T.* 1987. The Evolution of Human Society: From Foraging Group to Agrarian State. Stanford (Cal.).
- Pauketat T.* 2007. Chiefdoms and Others Archaeological Delusions. N.Y.
- Peregrine P., Ember C., Ember M.* 2007. Modeling State Origins Using Cross-Cultural Data // *CCR*. Vol. 41. № 1. P. 75–86.
- Price D., Fienman G.* (eds.) 2010. Pathways to Power: New Perspectives on the Emergence of Social Inequality. N.Y.

- Reckel J.* 1995. Bohai. Geschichte und Kultur eines mandschurisch-koreanischen Königreiches der Tang-Zeit. Wiesbaden.
- Renfrew C.* 1972. The Emergence of Civilization: the Cyclades and Aegean in the Third Millenium B.C. L.
- Service E.* 1975. Origins of the State and Civilization. N.Y.
- Smith M.* (ed.) 2012. The Comparative Archaeology of Complex Societies. Cambridge.
- Tao Jing-shen.* 1976. The Jurchen in the Twelfth–Century China. A Study in Sinicization. Seattle; L.
- Theile D.* 1971. Der Adschkuss eines Vertrages: Diplomatie zwischen Sung und Chin Dinastie 1117–1123. Wiesbaden.
- Trigger B.* 2003. Understanding Early Civilizations: A Comparative Study. Cambridge.
- Yoffee N.* 2005. Myth of the Archaic State: Evolution of the Earliest Cities, States, and Civilizations. Cambridge.
- Wittfogel K.A., Feng Chia-Sheng.* 1949. History of Chinese Society. Liao (907–1125). Philadelphia.